

КАТЯ ЧИСТЯКОВА

ТАМ, НА ПЕРИМЕТРЕ

Документальный роман,
бросающий вызов
табуированным темам

ТАКИЕ ДЕЛА

18+

Катя Чистякова

Там, на периметре

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чистякова К.

Там, на периметре / К. Чистякова — «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-119612-7

Эта книга – о пугающем мире бездомности, тюрьмы и насилия. Она – про наркотики, преступления и болезни; детство, дружбу, секты, силу и секс; Москву, церковь, социальную справедливость и социальную работу; про веру и вину. Но вряд ли она в полной мере о чём-то из этого. Скорее, она про то, как люди разговаривают друг с другом. Может быть, про саму возможность разговора о тех вещах, о которых не принято говорить. «Там, на периметре» – это история об улице, по-разному прожитая каждым из героев. Опыт бездомности встречается здесь с историей о взаимодействии с таким опытом, работе и дружбе с бездомным человеком. Эта книга о сложностях и ценностях жизни, о вопросах, на которые нет правильного ответа и о путях, на которых люди ищут на такие вопросы ответ. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119612-7

© Чистякова К., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Там, на периметре	7
1	8
1.1	9
2	14
2.1	16
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Катя Чистякова

Там, на периметре

© Катя Чистякова, текст
© Дмитрий Агапонов, дизайн обложки
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Перед вами очень честная и нужная книга. Пусть вас не обманет грубость ее живого языка и местами пугающая откровенность – это чуткое, даже нежное высказывание на одну из самых сложных для обсуждений тем.

В профессиональной благотворительности все хорошо знают – трудно найти такую «непопулярную» среди людей проблему, как помощь бездомным. Неудивительно! Бездомные неприглядно выглядят, часто имеют вредные привычки, плохо пахнут, в общем, всем своим видом говорят: мы не такие, как вы.

Но все-таки за этой обобщенной маской бездомности скрываются люди с чрезвычайно разными судьбами. По счастью, в последнее время медиа и социальные организации уделяют много внимания разговору о том, что люди на улице очень разные. В первую очередь эта книга о простой мысли, что «бездомные – это прежде всего люди». Но вместо прекраснотушных общих рассуждений книга «Там, на периметре» раскрывает эту мысль через личную историю двух людей.

Две сюжетные линии в тексте начинаются как рассказы о совершенно разных, непересекающихся мирах. В одном из них есть бездомный, с его воспоминаниями о детстве, первой любви, наркотиках, заключении. В другой – равнодушная, но запутавшаяся волонтерка социального проекта, помогающего бездомным. Постепенно мы глубже погружаемся в особый закрытый мир бездомности, а две параллельные истории сходятся в одной точке. Встреча приводит к сложным, болезненным созависимым отношениям двух людей, один из которых живет буквально в аду, а другой хочет его из ада вытащить, и уже сам не знает, для чего – чтобы побороть собственные тревоги, что-то доказать себе или завоевать доверие и любовь.

Это очень тяжелая и правдивая книга, и в ней много деталей и сцен, которые едва ли могут обрадовать. Она прямо и открыто говорит – да, может быть вот так. Бездомный может быть не просто бездомным, а еще и ВИЧ-инфицированным наркозависимым бисексуалом, занимающимся уличной проституцией, – разве можно найти кого-то более отверженного? Бездомный может быть совсем не рад помощи, и с удовольствием будет манипулировать тем, кто протянул ему руку – пока снова не почувствует себя брошенным. Волонтер может с нездоровым рвением решать миллион проблем никому не нужного человека не из милосердных добрых побуждений, а потому, что остро нуждается в том, чтобы чувствовать себя нужным. Книга знакомит и с теневой стороной этой благообразной помощи – скажем, что многие благотворительные организации изнутри выстроены едва ли не как авторитарные секты. Но даже это лучше зловещих рабочих домов, которые под предлогом помощи бездомным захватывают их в рабство.

Думаю, неслучайно в этой книге будто бы само собой оказывается так много разговоров о боге и религии – бездомность обнажает главные вопросы жизни и смерти острее, и еще неизвестно, кто тверже убежден в своем понимании веры и служения, бездомный или волонтер, который ему помогает. У книги открытый финал – мы так наверняка и не узнаем, действительно ли Женя смог вылечиться от болезней и зависимостей и вернуться к «чистой» жизни, а Ксения смогла справиться со своими непростыми переживаниями и обрести внутреннюю гар-

монию. Но это не так важно, потому что главную цель книга уже достигла. Вы вдруг понимаете, что ее герой, тонко чувствующий, взбалмошный, жизнелюбивый и отчаянный – один из тех самых сумрачных дурно пахнущих «бомжей» на московских вокзалах. И я уверен, что после этого вы будете смотреть на них немного иначе.

Владимир Шведов, заместитель главного редактора портала «Такие дела».

Там, на периметре

Порой такие трагические типчики, недополучившие тепла и понимания в юности, обладали весьма привлекательной внешностью. Они просто излучали чувствительность: большие, мечтательные глаза, исполненные любви; крупный, вызывающий к нежной заботе юношеский рот; дерзко встрепанные ветром школярские волосы. И при этом столь бедные и столь одинокие в своих дорогуших, краденых или купленных на прикарманенные деньги одеждах: просто сошедшие с рекламной картинки, с прилагающимся номером счёта: *Сделайте Что-Нибудь Для Нас*. Ты не знал, что такие проблемные мальчики были просто-напросто убийцами, или, вообще говоря, ты это знал: покуда вертится Земля, люди поклоняются своему убийце. Между тем я всё-таки заинтересовался этим психически неустойчивым мальчиком, который от нечего делать взял да и въехал в автомобиль Жан-Люка. Не должен ли он быть подвергнут медленной пытке, терзаниям определённых частей его юного тела, желательно – до самой смерти, ибо в противном случае он мог бы через какой-нибудь юридический коллектив потребовать с меня компенсацию за причинённый ущерб. Мне бы понадобился мотивированный сотрудник, но кто? О, милый Жан-Люк, дай ему ощутить, сколь ты жесток. Но внезапно, когда я уже готов был взять в руку свою орудие любви, любовная сказка моя развалилась: не мог Жан-Люк ни в чём участвовать; ведь Жан-Люк был мёртв?

(это цитата из Герарда Реве)

Теперь можно начинать.

1

Во-первых, здравствуйте. Меня зовут Евгений Александрович. Какое сегодня число у нас? Точное время: не видать, ну и хуй с ним. Моя история, скорее всего, начнётся с начала.

Моя мама цыганка, а отец русский. Они родили двоих мальчиков. Близнецы. Одного мальчика оставили, а от другого отказались. Зима, снегопад – напиши, как она под снегом выходит из роддома. Назвала меня Арсеном. Жесть, да? Ты только так не называй. Я жил сначала в Доме малютки, в три года меня усыновили приёмные родители. Поменяли год рождения, имя-отчество, так за ними и таскаю.

Они со мной мучились. Я убегал из дома, ходил под себя. У нас был такой длинный тёмный коридор, я его боялся. Особенно когда поночуге посмотришь с сестрой фильм. У меня сестра была, да, Ира её звали – это их родная дочка. Однажды мы с мамой договорились, что, если я не обосрусь, она купит мне большой airplane – самолёт такой игрушечный. А мы как раз смотрели с Иринкой «Терминатора», он тогда только вышел. Где он глаз себе выковыривал и всё такое. В общем, я своё слово не сдержал. Хотя я же мелкий был. В колготках ходил. И рубашка у меня была дебильная, в клеточку.

Учился я плохо. Порой мы по полночи сидели, заучивали один стих. Мама уставала: всё уже разжевали – Джоник, ты только проглоти это. А я не мог проглотить. В итоге сначала так слегка – ладошкой – меня пиздили, то есть били, потом ремешком, потом мама стала говорить «я сейчас тапку сниму». У тапки есть небольшой каблук. По башке меня били каблуком, вбивали, так сказать, учили уму-разуму. Они думали, до меня так быстрее дойдёт. Я сбегал из дома, потому что боялся ремня. Я боялся возвращаться, потому что меня за это наказывали. Но я не тупой, пятёрки я тоже получал. Нам вместо пятёрок давали звёздочки: когда я приносил их домой, родители радовались. Покупали мне сладости. Я всегда сладкое любил, полезно для печени.

Заикаться я тоже, кстати, начал, когда жил с ними. Сестрёнка меня однажды напугала. В коридоре, который длинный, стоял сервант – это шкаф такой, с пола до потолка. Она встала там. И вот я иду по коридору, а она как из серванта вылетит. Мама готовила – я даже как сейчас помню, в лифчике и в юбке стояла, только пришла с работы. Я испугался – и под её юбку залез. Это я маленький был, не понимал ничего, что там, под юбками. А сестра смеётся. Ну, мамка, естественно, отругала – и после этого я заикался долго. Сейчас-то я только от удивления, хорошо, что хоть когда пою, не заикаюсь.

Моя первая кража тоже была в детском саду. Я украл, правда, не знаю зачем, батарейку и губную помаду. У воспитательницы. Меня отлупили за это, какое-то время я не выходил на улицу. Сильно били, мама потом йодом мазала. В угол ещё ставили. Отец приходил, делал свои дела, звал меня в комнату – и ждал с ремнём. Наклонял меня промеж ног, снимал штаны и по голой заднице стучал, по спине. Потом до прихода мамы я стоял в углу. Иногда они меня отправляли к её маме – Валец звали, мне она, получается, бабушка. Бабушка Валя, дедушка Ваня. Я и от них сбегал. Они меня учили подметать, дома убираться, полоть что-то там, а я работать не любил. Жил в поле: такой там был большой пустырь, оттуда церковь видно, в церкви тоже жил. Лазал по дачам, воровал там по мелочи: кушать-то хотелось. Они меня всегда искали, пока соседи не поймают и не приведут или милиция. Дедушка даже... нервничал. Потом попал. Попал в больницу. Короче, умер из-за меня.

1.1

Не знаю, я начала давно, я не помню уже, почему начала. На волне гражданской сознательности, наверное. Это было модненько, делать активизм. А я тогда как раз тусила с леваками: они все модники. Теория малых дел – я прочитала где-то: «Тысяча умрёт, а один вылезет – а если вам единственная жизнь не кажется важной, то представьте, что речь идёт о вашей». Ого, подумала я. Справедливость и приключения, как можно пройти мимо. Не вечно же воровать в магазинах сникерсы и ходить на митинги: людям свойственен рост, тем более в вопросах борьбы. Оставалось выбрать, где работать. С детьми я сходилась тяжело, паллиативная помощь была мне пока не по зубам, в ментальных девиациях я не разбиралась, потому что моё образование было очень скудным и касалось в основном таких далёких от жизни вопросов. Я выбирала бережно, делала даже листочки с расчётами: вот на это мне хватит сил, на это – пожалуй, нет. Тут нужны специальные знания, тут не возьмут без опыта. Короче, готовилась я грамотно. Но только это почему-то не помогло. В итоге я выбрала проект, который совмещал в себе все проблемы, про которые я, когда только они были мной же разобраны по отдельности друг от друга, понимала: я не умею с этим работать, я об этом не знаю и я не справлюсь.

У меня, в общем, не было ничего, что требует социальная работа. Были только нежное сердечко и небольшой опыт ухода за уличными собаками. С таким богатым портфолио я в принципе могла что-то ловить только среди самых малозащищённых групп: там, где никто не следит за помощниками и где извечно пасутся секты и такие вот одинокие альтруисты, вроде меня и моих – пока что ещё будущих – коллег. Жаль, что никто не объяснил мне всех этих вещей. Хотя кто его знает: я-то знаю только себя и могу предположить, что если бы случилось чудо и кто-то стал предупреждать меня о проблемах, с которыми я скоро встречу, и взывать к моей ответственности, то не был бы услышан. Я под села на идею, адреналинчик пошёл – пути назад не было. Этому городу был нужен герой.

Я пришла в НКО, которая занималась в Москве проблемами бездомных. Меня удивило, что не нужно будет никакой специальной подготовки и что меня выпускают в поле сразу, в тот же день, когда я заехала познакомиться. Тогда ещё как раз было что-то связанное с блинами – очень миленько. Блины спасли мой первый выезд на вокзал: если было не о чем поговорить, то можно было поговорить о блинах. Кто-то из бездомных рассказывал, что рос на Урале и мама пекла там по случаю шанежки: это такие ржанные сладкие штуки, что-то между коржиком, пирожком и олажкой. Мне казалось, что тема дома, мамы и выпечки на улице табуирована, что о таких вещах нельзя заводить разговоры, а то дело кончится то ли дракой, то ли слезами. На деле, о чём можно или нельзя говорить с каждым человеком, приходилось выяснять по факту. К этому сложно быть готовым: ну разве что в том смысле, что не нужно быть бревном – это подстраховывает от ошибок. У бездомного с шанежками был огромный, сломанный в нескольких местах нос, похожий на грозное облако. Переносица шла сперва влево, потом резко вниз и снова на сторону. Нос распух и занимал всё лицо.

Где-то месяц я правда чувствовала себя модной, а свою работу – важной. Потом я начала чувствовать злость. Потом не чувствовала уже ничего. Это так-то называют выгоранием, но есть такие вещи, названия которых тебя не волнуют, пока ты с ними не столкнёшься. Я ничего не знала о выгорании и думала, что я просто слабый человек. Что я поработаю ещё немного и стану сильнее.

В начале всех делишек я пыталась подружиться с коллегами; но было сложно. Они почти все чудилы, такие аутсайдеры – тех, кто мог бы не только работать, но и говорить хоть что-то внятное о том, что только что делал, почти не было. Весь ивент был от своих и для своих. Не только потому, что мы сэкономили на пиарщике – организация просто была на это ориентирована. Очень закрытое сообщество, прохладное к новым людям: тусовка. Иногда мне каза-

лось, что самое важное для проекта – это не судьбы клиентов, а то, что требующая постоянного физического и нравственного напряжения работа объединяет, развивает и оздоравливает людей, которые ей занимаются. Общение с бездомными становилось такой коллективной терапией. Челленджем. Ну, или таинством, вообще община была религиозной.

Проект социальной поддержки, который осуществляется по секрету и по наитию и никем нормально не курируется, обычно аккумулирует участников, которым неплохо бы решить свои проблемесы перед тем, как решать чужие. Когда от тебя зависят жизни людей, ты чувствуешь себя важным. Не пробуксовать на быстром выводе, что они правда от тебя зависят, сложно. Социальный проект становится проектом самореализации. Вроде как способом сказать «я есть». И это дорога в ад.

Работа получалась тяжёлой и грустной. Нужно было найти общий язык с бездомными, разобраться в вагонах юридических тонкостей и медицинских рекомендаций, привыкнуть к коллегам и выбрать способ продуктивно работать внутри довольно бардачной организации. Там всё время что-то разлаживалось и расклеивалось. Потенциальная угроза закрытия доводила администрацию до ручки. Срастаясь с ней, вился повсюду вопрос о том, как всё сделать так, чтобы никому не навредить. Локальная история бездомного – тёмный материал, и сегодня ты скажешь что-то лишнее, а завтра кого-то не станет на свете. Разрешать эти муки каждый раз заново, выбирая, о чём тебе можно говорить, а о чём – нет, было нереально. Люди переставали говорить совсем. Это было одним из тех верных решений, которые ничего не решают.

Нам нельзя было называть адреса, по которым мы собирались, время раздач. Нельзя было упоминать общину, когда мы по каким-то спорным вопросам общались с журналистами. Летом было такое: перед Фифой казаки ходили по вокзалам и разгоняли бездомных. Бездомные называли их «зелёными человечками»: они носили болотную форму, похожую на военную, – без опознавательных знаков, без нашивок. Полиция их тоже стремалась, в общем, мы все стремились. Наши клиенты были сами не свои, даже те, кто выглядел неплохо, но жил без документов, маялись и очень просили пристроить их куда-нибудь, пока всё это не кончится. Мы в пене и в мыле пристраивали, это непросто, в Москве приютов мало, в основном тут сетки рабочих домов или какие-нибудь религиозные объединения, часто с сомнительной репутацией; а все места, где не в рабство и не в секту, очень не хотят работать с теми, у кого утеряны паспорта. Но история не про это, а про то, что я пришла к нашему старшему волонтеру – он там был вроде администратора – и спросила, как бы нам аккуратно привлечь к этой проблеме сми. Он ответил что-то в духе «бомж соврёт – недорого возьмёт» (ну ладно, это я не его цитирую, а «Московский комсомолец»), что проплаченные правительством отряды – это такой городской фольклор, а сотрудничество с оппозиционными сми и другими медиазонами нас убьёт. «Ксюша, – объяснил он мне, – общество относится к бездомным очень плохо, они ещё не понимают, что, чтобы человек не ходил ссаным и рваным, ему нужно где-то мыться и стирать вещи. Так что мы для них немного притон, и они очень хотят нас прикрыть, дай только повод. Нужно время. Сми не нужно».

Я как-то сомневалась, что схема рабочая: складывалось впечатление, что все ждут, пока это сакральное знание – ну, про ссаных и рваных – как-нибудь само собой из уст в уста распространится по городу. На деле получалось, что мы никак не работали с главной проблемой – с изоляцией. Мне, правда, возражали, что мы победители хотя бы потому, что сами-то против стигматизации и всем бомжам лучшие друзья. Я не очень понимала, какой в этом прок, если об этом никто не знает, а мы и не планируем об этом заговорить. Мы прятали проект от соседей и обрабатывали бездомных, чтобы они водили не абы кого, а только проверенных человечков, которые точно никого не побеспокоят и не сделают неожиданностей: наша партизанская политика укрепляла систему, которую мы, по идее, планировали победить.

Горожане в общем неплохие люди и не против, чтобы кто-то занимался беднотой. В основном драконоило их только, когда консультационный центр размещался у них в доме. Не

все готовы сказать это прямо, но общая идея такая: нельзя ли принимать этих людей где-то не у нас под боком. У нас же дети. А у вас, простите, туберкулёз. Много раз нас обвиняли в том, что мы кормим и одеваем московский криминал: воров, насильников и убийц. Кое-кто взбрыкивал и пытался доказать, что это совсем не так. Как по мне, так они только тормозили возможные успехи. Позитивный образ бездомного – спорный проект. Правда-то в том, что бездомные разные. К нам обращались воры, насильники и убийцы – и много кто ещё к нам обращался. Дело только в том, что мы занимались социальной адаптацией и снижением вреда. Это прагматические штуки. Нравственный суд лежал за пределами нашей компетенции.

Второй после готовых защищать личное пространство соседей страх был в том, что не всё было так уж чисто в плане организации деятельности. То, что рехаб у нас не работал и вред не снижался, – это ладно, тут всегда можно найти, чем себя оправдать. Но не было возможности не только организовать эффективную работу – не организовали даже соблюдение санитарных норм. Это волновало. Не в том смысле, что мы боялись кому-то навредить. Просто это было достаточным основанием, чтобы нас прикрыть: в том случае, если бы к нам вдруг проявили интерес.

Много МФЦ, в которых принимают бездомных, расположено в подвальных помещениях. Там нет окон, комнаты плохо вентилируются. Боялась ли я подхватить тубик? Ну разумеется, не хотелось бы. Но страшно не это, потому что я-то, схвати я туберкулёз, посижу месяцок на антибиотиках и буду здорова. А бездомный, который заболевает – а заболевает он в принципе легче, чем я, потому что живёт на пределе физических возможностей, – проморгает свои изменения в лёгких, поздно узнает о диагнозе и попадёт на долгое тяжёлое лечение, которое, может быть, уже никому не поможет. Работая в подвалах, мы рисковали прежде всего не собой, а подопечными. Я спрашивала об этом, и мне говорили, что я не понимаю, в чём суть работы. Что я сосредоточена не на том.

В чём была суть? Они называли это «служение бедным». С практической точки зрения это работа в городе, и юрист в МФЦ, и социальный работник. Есть ещё другая, духовная сторона, но мне было на неё насрать, я хотела только, чтобы у меня спустя месяц работы были цифры: чтобы можно было посчитать и проследить подвижки, которые случились от моего адова труда. Упахиваться так во славу господу я была не готова. Почему я вообще тогда попала в религиозную общину? За неимением лучшего, в Москве не очень хорошо с НКО, которые работают с бездомными. Наша была ещё ничего, не самая двинутая. Бомжи мало защищены, это одна из самых уязвимых групп в городе. В том числе они не застрахованы от альтруизма: никто же не пасёт особо помогаторов. Никто не хочет разбираться, применяют в НКО травмирующие практики или нет – а кое-где применяют.

Как-то в Армии спасения с Жекой так побеседовала сестра, что он потом весь день ходил полуобмороком. Всё вертелось вокруг рехаба: я тогда неласково подталкивала Женю к мысли, что ему нужна помощь. Он злился и говорил, что хочет соскочить сам. Долбёжка его убивала, я боялась, что он умрёт или сойдёт с ума. Старший по Армии очень был рад, что тут мы с ним неожиданно совпали. Он тоже хорошо относился к Жеке, всё чалился присовокупить его к пастве – но перед этим помочь с зависимостями. Женя подозревал, что он хочет его трахнуть. Не уверена, что тут был такого рода интерес, как по мне, так Жека просто умел очаровывать начальство. В любом случае, чувак был рад, что я тоже гну в сторону лечения: в этом богоугодном заведении не сомневались, что мы с Жекой парочка и я могу с ним там как-нибудь нежно договориться. На деле мы были двумя созависимыми, но там вряд ли кто-нибудь в таком разбирался. Со стороны, наверное, оно правда похоже на любовь, даже вполне себе такую, христианскую.

Они выкрутили Жеке все мозги песнями про братство и милосердие, и он не стеснялся там брать меня за ручку. Он вообще такой, тактильный, но в целом всегда понимал, что и где можно делать. Но вот не в этом случае. Мне показывали записи песен про христову благодать,

я вежливо терпела, а Женечка цапал под столом мою руку и шептал в ушко: «Понимаешь?» Ничего я не понимала, понимала только, что если он умрёт, то я этого не переживу, и что ради него готова терпеть даже местные службы. Просто поверьте, терпеть такое нелегко.

В тот день в одной комнате обрабатывали меня: предлагали не стыдиться моей с Жекой связи и отпустить его на лечение. «Это горе, когда в семье такое случается, мы тебя понимаем. Ему у нас будет хорошо, и ты от него отдохнёшь». Я бормотала, что я социальный работник и у нас нет никаких связей. Со мной ещё разговаривал какой-то там пастор, или сержант, или как там это у них называется – тоже такой, бывалый: может, сам когда-то приходил за супом. Глазёнки у него были как у варёной рыбы, и он всё время говорил мне «ты». Даже не так, не «ты», а «ну чё ты».

Я сказала, что Женя сам разберётся, что мы – ни я, ни этот загадочный божий раб – решать за него ничего не будем. Он мне возразил, что Женя заблудился, что ему нужна помощь Иисуса. Я заметила, что ни один из нас, слава богу, не Иисус. В другой комнате что-то колдовали над Женей. Оттуда потом вместе с ним вышла большая взмокшая тётка. Она мне улыбнулась, поздоровалась – меня там ещё называли «святая Кения», это тоже было очень стрёмно. Женя был весь мокрый тоже и очень испуганный. Он же хоть и эмоциональный, даже несколько экзальтированный, а всё-таки напугать его – это надо постараться. Но тогда его сильно напугали. Я взяла его под локоток и отвела покурить. Спросила, что с ним там такое делали. Он ответил, что не знает, что она что-то там над ним орала и он не очень может теперь говорить. Что ему очень плохо, а тётка, наверное, ведьма. В общем, Армия дело такое: это те ребята, которые на голубом глазу будут настаивать, что геями и убийцами не рождаются, а становятся и это такие равносильные преступления против божественного замысла. Это страшно само по себе, а ещё страшней, что деваться-то особо некуда: хочешь поесть и вымыться – пойдёшь в Армию. Это крупное движение, они открыты для бездомных почти каждый день и предлагают большой набор помощи: одежду, души, стиральные машины. Они богаче и влиятельней остальных местных организаций. Альтернативного варианта нет.

Ещё одни гетероактивисты попались мне в протестантском приходе. Что-то мне подсказывает, что на деле они были не протестантской церковью, а сектой. Ими даже интересовалась прокуратура, но доказать ничего не получилось: у прокуратуры – в широком смысле, а в кухонном локальном – у меня.

У них там важно было иметь своё дело и быть успешным – и они выделяют средства пастве на стартапы. Разные проекты получаются, не то чтобы все такие мрачные, но есть там одна прихожанка, вот она держит христианскую группу поддержки для ЛГБТ сообщества. Казалось бы – круто и прогрессивно. Но есть один нюанс. Поддержка – это когда тебе впаривают, что можно вылечиться, можно стать нормальным. Она сама так и говорит: «Суть моей миссии в жизни – помочь обрести сообществу ЛГБТ + гетеросексуальную ориентацию во Христе». Рассказывает, что ребятам не хватает цвета в радуге, а с богом они смогут снова жить в полноценном мире. Проект «Настоящие» называется.

Ну и само собой, у движения есть пастор-харизматик. Он много всего рассказывает: например, как бог лечит от рака. Не в аллегорическом смысле. Буквально лечит, у него даже справки есть, которые это подтверждают. Когда он читает проповеди, прихожане смеются и аплодируют.

Справедливости ради, именно в этой дыре я впервые встретила волонтера, с которым мне по-человечески было хорошо и приятно и которому я была готова доверить какие-то свои делишки и соработниковы секретики. Жека это заприметил в своё время и очень заинтересовался: он привык, что я со всеми не в ладах, а тут вдруг такое взаимопонимание. «Он тебе понравился? – спрашивал он у меня. – Ты бы с ним переспала, если бы не жена?» Я тогда растерялась. Как мне было ему объяснить, что мне просто очень трудно бороздить этот мрак

в одиночку? Он же, во-первых, в меня верил, а во-вторых, точно лучше меня знал про одиночество: разве я имела право жаловаться ему на что-то такое?

Я иногда чувствую такое отчаяние, такой гнев. Они разные, конечно, все эти религиозные объединения с кукухой. У одних начальников комплекс бога и на службах полный экстаз – вроде как у кришнаитов. Есть блатные, гребут себе бабло в карман и особо не стесняются – это деловые, с ними, кстати, хоть как-то можно иметь дела, если таких дел не стрематься. Я не умею, я не очень деловая, у меня нет характера. Есть дурачки, они не воруют бабло, они его просто просерают – это обычно самые впечатляющие страстотерпцы и правдоторцы. Они богаты, они влиятельны, с ними бог – что тут вообще можно сделать, правда? Как-то так в Москве работают с бездомными – как-то так работала и я. Как раз в начале это всё очень шокировало. Потом привыкаешь – привыкаешь к тому, что это другой мир, очень жестокий и странный, и что «наши», которые в нём за добро, тоже очень жестокие и странные люди, потому что иначе чего бы им тут работать? Ты ничего не добьёшься, пока ты один. Тебе понадобится помощь, и ты пойдёшь за ней к людям, которых не любишь, не поддерживаешь и боишься. Когда на одной чашечке у тебя правда, а на второй – чья-то жизнь, то остаться благородным, как бы это сказать, проблематично.

2

Да, я периодически сбегал от них. Не только когда меня просили что-нибудь сделать, а я не хотел – я в детстве просто любил путешествовать. Меня очень манила улица. Когда убегал, представлял себе всегда что-то такое, новое. На горе у нас была церковь, где меня крестили, а рядом с ней большое поле. Там я находил себе – так сразу и не скажешь – покой, наверное. Смотрел закат – как солнце спускается. Шалаш себе строил.

Ну, закат закатом, а есть-то хочется. Там были рядом дачи. Кто-то за ними смотрел, кто-то нет: я по ночам выбивал стёкла и лазил туда. В огородах тоже шарился. А все же уже знали – чей я внук и чей сын. И некоторые жильцы брали меня и приводили обратно домой, там я получал огромных... огромную взбучку от родителей.

Так я жил с ними: бегал, меня возвращали. Иногда с милицией. Я сейчас думаю: если бы можно было что-то поменять, я бы тогда не сбегал. Я был бы послушным мальчиком, до сих пор жил бы дома.

Семья была благополучная. Помню, как мы отмечали Новый год. Мне мама рассказывала за Деда Мороза. В комнате большая ёлка была. Я весь вечер ждал, лежал на родительской кровати – мне было интересно, как Дед Мороз приносит подарки. Ну и ничего я не посмотрел, потому что уснул. Меня разбудила мама, отвела на кухню. И, пока мы ели, подарки появились. Пакеты такие, с ручками. Меня тогда же и определили – с самого детства. Подарили дольки: трусы такие мужские, красные и сбоку на них маленький жёлтый петушок был нарисован.

Мы были дети как дети. С пацанами во дворе играли в «Пиратов Карибского моря». Мне ещё тогда выстрелили пулькой прямо в зуб, половина откололась, пришлось вырывать. Такая дыра была, ужас, это они сейчас выровнялись. Ходил в садик, оттуда, правда, тоже бегал.

Был там такой случай в детстве. Однажды лежал я на тихом часу. Рядом со мной была кровать Оксанки. Как-то она мне на ушко говорит: «Женька, давай письки трогать». Я ей: «Чего?» А она: «Ну, письки». В общем, втихушку под одеялом таким макаром я узнал, что такое женский пол, а что такое мужской. Я у неё спросил, а почему у меня крантик, а у тебя персик. Она говорит: не знаю. Я этого ещё не понимал ничего, мы просто чудили.

Мы жили рядом, через один подъезд. Она забежала как-то за мной, мы пошли к ней домой: её мама в это время стирала. Везде было развешено бельё, мы за ним прятались – зашли в туалет и опять давай письки трогать. Вот, такое вот было маленькое детское увлечение. Мне всегда женский пол нравился, все эти персики, только у меня с ними не сложилось.

По 2х2 в то время ходил сериал «Дикая роза». Бабушка когда приходила, мы ругались всегда из-за телевизора. Она хотела посмотреть эту «Розу», а я хотел мультфильмы. Один раз я очень обиделся, у меня появился маленький замысел: «Всё, сбегу». Я подлизался к бабушке: «Бабушка, разреши мне погулять». А был я уже такой, подросток: мне лет восемь тогда уже исполнилось, а может, и девять. То есть улицу уже знал неплохо, попробуй меня там найди. Вот они и искали в тот раз очень долго. По подъездам, по всем делам. Милиции всё это надоело. Сказали: «Если вы его не отдадите в детский дом, то мы вас лишим родительских прав». А у них же ещё дочь, и сами они благополучные. В общем, меня отдали.

Мама накупила пакеты с вещами, с едой. Тогда я особо не понимал, что происходит. Она говорила: «Сейчас тебя увезём, будешь там один». Говорила это со слезами на глазах. А я отвечал, что мне там будет без них хорошо.

Приезжает «буханка», меня сажают, пакеты ставят. Со мной попрощались, и я поехал. Детский дом находился во Владимирской области. Чуть-чуть бомжацкий, конечно, для умственно отсталых. Детей было очень много. Но это было единственное место, куда согласились меня взять, потому что ребёнок я с самого детства трудный.

Меня определили в младшую группу, где 3–4-й классы. Писать-читать я уже умел более-менее. Прожил я там года два-три. Мы пололи, снег чистили, подметали, все дела. У нас была воспитательница Вера Васильевна. Бабушка. Я с ней подружился. Она мне приносила тайком от других детей всякие подарки, игрушки. Даже копейки давала, я ходил в магазин жвачки себе покупал. Так бывает, что с воспиталкой подружишься – они тебе тогда как будто заменяют бабушку. Воспиталки, учителя, медсёстры. Я когда в дурке лежал, уже потом, в старших группах, мне сестрички сигареты носили.

Ну и спустя какое-то время я познакомился с одной учительницей. Мы с ней подружались благодаря английскому языку. Я очень любил английский язык. Звать её Тамара Ивановна. Такая полуседающая женщина, чуть-чуть худощавая, в очках. Глаза добрые-добрые. Она меня забирала на выходные к себе домой. Для меня это было счастьем.

Я часто бегал, жил в поле, в церквях отирался, на кладбище. Кладбище – это моё любимое место было. Это и сегодня одно из моих любимых мест. Ты приходишь, садишься на скамейку рядом с могилой и рассказываешь про всякое. А они же молчат, ничего тебе в ответку не говорят, слушают тебя. Таким макаром устраиваешь себе психологическую разгрузку, плачешь. Тогда мне было непривычно и неприятно, чтобы кто-то видел, как я плачу. Мужчины-то не должны плакать, а я как девочка – плачу постоянно. Всегда такой был, быстрый на слёзку.

Старшеклассники нас били, отнимали еду – это самое обидное. Особенно за полдники. Полдники же были самые вкусные из всего столовского репертуара. Вот от этого я и сбегал обычно. Вера Васильевна меня находила. Я ей рассказывал иногда, где я шароебился, она брала на заметку. Как-то пришла за мной в храм, я сидел там, общался с богом. Я в детстве очень сильно любил его. Пришла, села со мной рядышком, а я рассказываю – как бы всё ещё богу, но уже ей. Она меня обняла, стала гладить и успокаивать. Уговорила вернуться. Мне тогда казалось, что это всё вместе: церковь, я и то, что она меня как-то почувствовала и разыскала. Оказалось, они со священником так договаривались: он, как меня увидит, ей звонит и она меня забирает.

Я потом уже, когда жил в другом детдоме, приезжал их проводить. Узнал, что Тамары Ивановны и Веры Васильевны не стало, и нажрался как свинья. Охранник, который меня с самого детства знает, к себе взял на ночь, чтобы я протрезвел. Я проспался и утром уехал оттуда, больше там не был.

Я учился хорошо, было очень просто – я же умственно отсталым, думаю, не был. Но относились ко мне по-всякому, потому что я чудил много. Один человек в меня по-настоящему поверил, моя подруга американка.

2.1

В общем, я работала в основном с религиозными организациями, и очень они меня напрягали. Дома тоже было напряжно, тема та же: никто не против помощи бедным, но только когда этот праздник происходит не на нашей улице. Мои близкие мне всячески намекали, что как-нибудь мир спасут и без нас. Женя же был не первым моим подопечным, до него я тоже много возилась со всеми этими документально-ментальными проблемами. У меня не было специальной подготовки и опыта, я не умела правильно взаимодействовать с клиентом, не чувствовала всяких тонкостей. От этого я со своими же ребятами мучилась: они капризничали и подкатывали ко мне яйца, очень болезненно переносили все случаи, когда выходило не так, как им бы того хотелось, и страдали запоями.

У всех волонтеров был свой типаж любимчиков: людей, с которыми они легче и крепче сходились. Ко мне вот всё тянулись романтики и эксцентрики с зависимостями разной степени тяжести. Я всё время попадала с ними в какие-то истории, они страдали перескоками настроения, требовали внимания и времени. Мне не хватало навыков, чтобы помогать без ущерба для собственных нервов и свободных деньков. По вечерам я приходила домой, ложилась на кровать и час, может, полтора, смотрела в потолок или в окно: у меня не было сил, чтобы встать. Потом я шла в душ, а одежду складывала в стирку. До того, как я вымоюсь и переоденусь, со мной не разговаривали. Вокруг моего волонтерства росли ссоры. «А что ты хочешь, – говорили мне, – ты как будто искупалась в дерьме, от тебя пахнет дерьмом». Было время, когда только ярость, которая поднималась от слова «дерьмо», давала мне возможность работать дальше.

Как раз когда я начинала работать с Женей, мы расхотелись с парнем. Он на меня злился и сказал напоследок, что мой Жека – покойник, всеми ногами уже в могиле, а всё-таки мне он, видимо, дороже семьи, чести и здравого смысла. Меня это задело: я-то знала, что Женя живой, но все вели себя так, как будто его уже правда пора закапывать, и никому не хочется тусоваться рядом – вдруг на них падёт муторная организация похорон. Это будет меня преследовать всё время. «Он же прожитый человек, – будут мне говорить, – конченный, мёртвый». Однажды Жека долго тревожился, а потом попросил послушать, стучит ли у него сердце. Я послушала – оно там точно стучало. Женя сказал, что слава богу, а то ему показалось, что не стучит. Мы прожили с парнем несколько лет. Потерять его означало потерять дом.

Меня, вдруг оказавшуюся без определённого места жительства, пустили пожить друзья: сами они были уже на даче, дело шло к лету. Я хотела побыть одна, хотела как можно дальше оттянуть переезд в общагу, которая мне полагалась от вуза и кишела тараканами. Я ведь была очень нежной, я привыкла жить хорошо. У меня ещё оставались какие-то увёдённые из семейного бюджета средства, и я продолжала свои дела с бездомными. Я никогда не обеспечивала себя самостоятельно и не умела рассчитывать траты: ко мне по-прежнему ходили с длинными рецептами на дорогие лекарства, а я ходила в аптеку, и потом – ужинать куда-нибудь на Тверскую. Я несколько лет не готовила дома и не очень понимала, что пора снова к этому привыкать. Скоро деньги закончатся: на завтрак, обед и ужин я буду есть бородинский хлеб с мёдом, который кому-то передали родственники. Но в самом начале всё неплохо, и я даже могу отоспаться пару дней, потому что мои друзья меня пожалели.

Жека заходил ко мне колоть антибиотики и столько раз рассказал про то, как любит ванну с пенкой, что я сжалилась и отпускала его после укольчика купаться. Первый раз он сидел там два часа, помыл голову по очереди тремя шампунями, потом завалился на хозяйскую кровать и, когда я пыталась его оттуда согнать, попросил меня оставить его в покое и дать ему три минуты побыть счастливым.

Принять душ, если ты живёшь на улице, – это большая проблема. В Москве есть несколько дезинфекционных станций – «бань». Бездомные время от времени ходят туда «на

прожарку»: нужно раздеться, пройти в комнату для дезинфекции – там тебя из шланга обрабатывают от кожных паразитов и всего такого. Потом можно идти мыться, потом – зайти к дежурному врачу. Обычно там большая очередь, да и каждый день не походишь, слезет кожа.

Другой вариант для мытья – Армия спасения, у них там около шести душевых, точно не помню. Перед этим жариться не нужно, в принципе, тебе даже дадут чистый полотенчик и тапки и что-нибудь, во что можно переодеться после мытья, пока твои шмотки стираются и сушатся. Проблема в том, что вода не всегда тёплая и бездомные побаиваются там что-нибудь подхватить, даже в тапках. Медицинский кабинет в Армии тоже есть, там дежурит санитар: если с бездомным что-нибудь не очень страшное, он поможет, перевяжет, помажет – ну или направит куда-то дальше. Женья как-то сильно забухал – он много лет дышал лаком для работы по дереву, – красной морилкой, – и неделю жил в кустах у железной дороги. Когда ему хотелось есть, он забирался в зоомагазин по соседству и воровал оттуда вискас. Выглядел он спустя эту неделю ужасно, и когда он пришёл в себя, поехал в Армию привести себя в порядок. Там обнаружил, что пошёл красными пятнами, и испугался, что у него краснуха или лишай. Санитар его покрутил, пощупал и сказал, что, похоже, Жеку накусили муравьи. Ну ещё бы, столько проваляться в канаве, было же уже как раз тепло, муравьи там что-то строили. Надеюсь, после этих удручающих событий они выжили.

Часто ребята купаются в раковинах в общественных туалетах. В этом плане популярны толчки в крупных торговых центрах у вокзалов, типа «Атриума» и «Европейского»: по утрам бездомные ходят туда побриться и подмыться, иногда они раздеваются по пояс и споласкиваются целиком. Горячей воды там тоже часто нет, мне всё жаловались на замёрзшие груди и гениталии.

Инициативы по возможности собирают для клиентов наборчики из щеток, станочков, трусов и цитрамона – каких-то простых вещей, с которыми жизнь становится лучше. Но тут много тонкостей: вроде того что одноразовые станки так-то неудобные, многие наконец бросают бриться, потому что мучаются бесконечными раздражениями. Женья вот страдал от этого не по-детски, ему мало того что царапало рожу, так он ещё очень щепетильно относился к остальной растительности на теле и с несчастнейшим видом чесал лобок целыми днями после того, как что-то там делал этим маленьким одноразовым станочком. Иногда он принимался отращивать «испанскую бородку»: такой кустик вокруг рта. Говорил, что это делает его мужественней. Как по мне, так вид у него с этой испанской бородкой был ещё более дикий, чем обычно. Подозреваю, что испанца в Жеке будила исключительно накатывающая временами усталость от выскребания лица малопригодным для этого, хоть и халявным, инструментом.

Это ужасно, как ты должен вывернуться, просто чтобы помыть себя. Какие-то базовые штуки, тело, достоинство: это сложно сберечь на улице, но если не сбережёшь, то быстро опустишься или свихнёшься, все это знают. Голод в этом смысле ещё не главная проблема, поесть, по крайней мере пока мы в Москве, в сто раз проще, чем выстирать, – или ещё хуже, высушить – вещи.

Другая проблема – это сон. Есть такое всем знакомое ощущение, которое появляется, когда несколько раз спишь не пойми как. Всё мутно, всё под водой: и город становится таким осклизлым, а мысли такими неточными. Бездомные спят так месяцами, кто-то – годами. Меня одно время умиляло, что они засыпают везде, где вы на три минуты присели спокойно: в метро, в такси, в очередях. Потом я попыталась представить, как они себя чувствуют, и веселья у меня поубавилось. День за днём пара часов беспокойного сна: ребята рассказывают, что умеют спать только одним глазом, а вторым всегда смотрят по сторонам.

Они не ночуют на вокзалах, оттуда их разгоняют в последнее время. На Ленинградском или на Казанском, не помню точно, можно перекантоваться, если купить билет на электричку. На вокзале можно коротать дни, там есть розетки, дешёвый кофе, санузелы, компания. Можно пострелять денег и сигарет. Но это достаточно закрытая локация: там все друг друга знают и

работает строгая иерархия. Встанешь на чужую точку – с тобой серьёзно поговорят. Бездомные не заинтересованы в том, чтобы на вокзалах их было слишком много. Хочешь поселиться там, где уже прижилась группа, – соблюдай правила, которые тут заведены, и приноси пользу. В условиях нужды человек человеку волк.

Спят в подъездах, иногда они их нормально обживают, приносят матрас, одеяло – и живут. Если подъезд незнакомый, то спят там сидя, у батареи, на верхних этажах: под задницу стаскивают из-под двери коврик для ног – чтобы не простудить почки. Собственно, вот куда эти коврики вечно деваются. Особый шик – это лампы, которые реагируют на движение. Так бездомный понимает, что кто-то идёт – просыпается от включившегося света, и все хорошо, он на стрёме. В подъездах ночевать опасно, тут могут наехать, зажать, порезать – это закрытое пространство, оттуда сложно сбежать в случае чего. Правда, если дом хороший, то ребятам удаётся поспать четыре-пять часов.

Можно спать в электричках: ехать круг «на собаке», которая катит куда-нибудь в глубокое Подмоскovie. Оттуда особо не гонят, если вы не буяните, – могут, правда, отправить всех в первый вагон, это который с толчком и самый вонючий, и иногда его не отапливают, чтобы запах был не такой убойный. В электричках тоже случаются ссоры и драки, сон там неровный, холодный – устают спина и ноги. Ногам бездомного вообще сильно достаётся, часто долго нет возможности снять обувь, высушиться, размяться: бывает, что ступни опухают – это суставы; или начинают гнить, и на ногах открываются язвы – это от сосудов. Больные сосуды – бич уличной жизни. Плохая еда, холод, вещества и инфекции: вены забиты, сердце на пределе.

Бездомные редко живут по двое, ещё реже – поодиночке, обычно они семейничают, вроде как в колониях – собираются небольшой группой и делят бытовые сложности: делят еду, деньги, лекарства. Вместе проще и безопасней. Иногда внутри семьи возникают сексуальные связи, бывает, что сексом занимаются при всех, на общей ночёвке. Есть бездомные, которые вместе долго, и их чувства друг к другу хорошо просматриваются. Чаше всего парочка не болтается на улице систематически: время от времени они выбирают на съёмное жильё или уезжают к родственникам. У нас такие были, молодой парень и его подруга – она постарше. Мир улицы жесток со всеми, но к женщинам жесток по-особенному. Стигматизация бездомной женщины в чём-то сопоставима со стигматизацией педофила или рецидивиста-насильника: есть группы, настолько задавленные изоляцией, что их, в общем, и нет. Такие призраки от общественного сознания, сохранённые в нём как миф, как неясный образ, как страшная байка: крепко закутанная баба в подземном переходе. Без лица, с уснувшим – или умершим – младенцем на руках. Наша знакомая сильно пила, очень болела, у неё отказывали ноги. Парень мечтал её вытянуть. Было как-то раз, что она надолго попала в больницу, а он за это время нашёл работу, снял квартиру и ждал. Её выписали, она в тот же день двинула на Киевуху. Друзья с вокзала ему звякнули, рассказали, что она появилась и бухает с ними: забирай её скорей и всё такое. Он поехал забирать. Она уговорила его выпить с ребятами, по чуть-чуть. Пробухали всё: работу, квартиру, зарплату. Парень, впрочем, не отчаивается. Говорит, что однажды она будет дома, а пока ей непросто после всего, что с ней было, что нужно время. Дружба и любовь на улице навсегда останутся для меня загадкой.

3

Представь себе: лето, вечер, жарко. Все за день накосячили, но всё равно отчего-то живенькие, как на праздник. Часов в 6–7 приезжает машина, такая состоятельная. Шофёр помогает выйти двум девчонкам. Воспитательницы просят помочь им с чемоданами, и чемоданы тут же расхватывают.

Одна из девчонок ушла в комнату, и все дети вместе с ней, а вторая задержалась чего-то там у машины. Я подошёл к ней самый последний и спросил по-русски: «Вам не помочь?» Таким макаром мы познакомились, звали её Илишей. Первый раз тогда она улыбнулась мне. Я проводил её до комнат. Потом мы дежурили с пацанами возле двери – любопытно, американцы же приехали. Воспиталка нас разогнала. На следующий день сразу после учёбы мы поехали к ним. Побросали возле крыльца велосипеда и бегом наверх. Сели в круговую и начали знакомиться уже по-человечески, по конкретике. В общем, оказалось, что они приехали проповедовать Иисуса Христа: на всё лето – к нам.

Мы с Илишей начали хорошо общаться, в итоге – подружились. Вместе пололи эти бесконечные поля. Были неразлейвода. Единственное, что нас разделяло, – это ночь. Правда, тут нам воспиталки помогали. В тихий час Вера Васильевна говорила: «Все уснут, я тебя толкану, она тебя ждёт». И она меня правда ждала. Я потихонечку-потихонечку вставал, чтобы дети не видели – Илиша всегда стояла внизу, у лестницы. Брала корзину или сумку, мы шли на поле. Я с ней первый раз узнал, что такое летучий змей. Она меня снимала на камеру: «Джон, расскажи о себе». Снимала, чтобы родителям там у себя в Колорадо показать. Чтобы поговорить с ними и меня усыновить.

Она снимала, как я со змеем: она его сложила, а я бежал. В говно ещё вляпался в коровье – ну это тебе так, для истории, а то я уже сам чувствую, как слишком сладко рассказываю. В общем, гуляли мы с ней допоздна. Уже отбой прозвенит. Ночная знала, что мы в хороших отношениях, всякое нам позволяла. Илиша даже со мной в палате спала, в одной кровати. Я помню, она пришла в серых шортах, а я показал, где моя кровать. Я малолетка был, я не понимал. Видел, что там всё нормально, какие-то там горки были у неё, где нужно, и ямки тоже, но мне это как будто было не интересно. Она залезла ко мне под одеяло, так мы и уснули. Это был счастливый момент, таких в жизни не так уж много.

Мы жили с ней очень тесно. Она сказала, что хочет меня усыновить, сказала: «Но есть маленькая проблема, Джони – мне нужно выйти замуж».

Детей, которые хорошо себя вели, на лето отправляли в лагерь. На одной половине лагеря жили американцы, на второй мы, детдомовцы. Все мечтали туда попасть. У меня с поведением, ты уже догадываешься, было плохо.

Однажды наша группа была на картошке. Вот я сижу, перебираю, весь грязный, пыльный. За мной прибегает Вадик – это тоже друг мой – и говорит: «Тебя к директору». Я давай перебирать, что я такого сделал. Вроде не воровал ничего сверхъестественного, не убегал в последнее время. Прихожу, здороваюсь. А она такая крупная была, директор, капец. Нависает так, значит, и говорит мне: «Знаешь, что у меня в руках?» Там была бумажка, билет. «А знаешь, кто тебе его купил? Илиша купила тебе билет, чтобы ты поехал. По-моему, ты этого не заслуживаешь». У меня радости полные штаны. Она меня предупредила: если до лагеря будешь плохо себя вести, то никуда тебя непустят. Как же я тогда терпел: терпел всякие эти полднишки, избиения – только чтобы поехать.

Нас собрали. Ночь я не спал, ждал этого дня незнамо как. Наступает утро, часов в 10 нас собирают в автобус и отвозят в Суздаль, в пионерский лагерь «Автомобилист».

Нас привезли прямо к корпусу, дверь открылась, я самый первый вылетел из автобуса. Бегу-бегу-бегу, спрашиваю, где Илиша.

Она сидела рядом со сценой, а вокруг неё очень много детей собралось, и она как раз проповедовала библию. Я подкрался сзади и так легонько за плечо её. Она повернулась, увидела меня. Мы обнялись. Детей на хуй с пляжу – ну не сразу, а так, тактично – и гулять. Она купила нам похавать, просила рассказывать как-чего. Мне скрывать было нечего, она же меня знала изнутри.

Я ей всё рассказывал. Вечером был праздник – царя, этого, который в воде живёт. Меня нарядили – намазали. Американцы же не любят маски, они рисуют. Я играл тритона, наказывал разбойников, которые утонули в бассейне. Илиша это всё снимала на камеру, ржала. Какой из меня актёр на тот момент, ну.

Вечером мы пошли на дискотеку. У меня с ней был маленький гимн. I believe in you называется. Она тайком от меня попросила поставить. Как мы с ней танцевали – от души. Это не медляк, она ритмичная такая. Хотя и медляки мы танцевали тоже. Она высокая такая была, и я – карлик, ещё меньше, чем сейчас. Я её обнимал за поясицу, хотя рост мне как раз позволял взять её за задницу – я не стал. Дышал ей прямо в пупок.

Вечером после тихого часа она заходила к себе, переодевалась. Она носила шорты, они болтались коротко-коротко. И сандалии на голые ноги. По вечерам мы ходили купаться на Клязьму, не стеснялись друг друга, выжимались задница к заднице – она купальник, я труселя. Я же пиздюк был, лет 10–11. Она учила меня купаться, но купаться я до сих пор не умею, могу так, у бережка полежать. Илиша брала с собой арахисовое масло: она меня к нему приучила. Я очень любил. Однажды сожрал целую банку, дристал дальше, чем видел; меня потом углём откармливали.

После речки шли на ужин. Они – иностранцы – сидели отдельно. Так нет бы жрать, Женечка всё время втихушку пялился на неё. Она на меня посмотрит и раз – макарончик такой возьмёт, начнёт засасывать, я представлял, что это червяки такие длинные. Они ещё были красные, с кетчупом. Как-то раз она уронила на себя эти спагетти, как раз промеж ног, я сказал, что похоже на кровушку. Она, бедняжка, очень стеснялась.

Вот так мы танцевали, ели, за грибами ещё ходили утром с ней.

В один из походов что-то там такое произошло, я не помню. Но сам факт: я её обидел. Она сидела плакала на пенке. Рядом с ней стояла банка черники. Я извинялся, я до сих пор помню вкус её слёз. У неё текли сопли, а мне было плевать. У неё текли слезы, а мне было плевать. Я вытирал ей лицо своей рубашкой: нос, и рот, и щёки. Когда мы пришли в лагерь, ребята меня спрашивали, что случилось. Все заметили, что она плакала. Она им сказала, что упала.

Однажды я заболел, и она не отходила от меня. Её даже воспиталка гнала, а она ей: «Нет». Она лежала со мной, лечила меня, бегала в аптеку в город, потому что не доверяла местным врачам.

Потом смена закончилась. Мы ходили на прощальный костёр. У Илиши кое-что для меня было, но она мне, зараза, не казала свой подарочек. Мы сидели, плакали, потом полночи гуляли вместе. Блять, как же мы гуляли с ней. Луна светит, лес шумит, и мы идём по асфальту, под ручку, босиком, и асфальт горячий. Наши тени сзади, такие длинные.

Кружочек мы сделали, и она типа пошла спать. На самом деле не спала, я не спал тоже. Я знал, что если я сейчас уеду, то, наверное, её уже не увижу. Не будет больше её взгляда, её прикосновений, её доброты. Она дала мне ту ласку, которую не дали мне приёмные родители, которую потом не дадут подружки. Ни с одной девочкой такого больше не было.

Наступило утро. Мы собираемся. Я долго собирался специально, ждал, когда она придёт. И она прибежала, принесла мне магнитофон свой маленький, однокассетный. Принесла большого медведя. Немного денег дала, сладости. Мы попрощались с ней.

Когда отъезжал автобус, у меня там голова, наверное, повернулась на 180 градусов – я всё смотрел на неё, пока было хоть что-нибудь видно. Я просто не мог её отпустить, оставить.

Она плакала. Я вообще не люблю, когда девчонки плачут, я тогда начинаю сам плакать. Это всё моя женственность.

Я приехал в детский дом, прослушал кассету. Она оставила мне запись. Ну так, коротко и ясно: о том, как она любит меня, будет скучать и всё такое. Я чуть не умер, пока слушал. У меня аппетит пропал, я не спал. Только под утро иногда засыпал ненадолго. Мишку обнимал, говорил «Илиша». Потому что мишка была Илиша.

Проходит время, я чуть-чуть остываю. Однажды в очередной раз вызывает меня директор. Мы как раз с пацанами ночью, так сказать, сходили поплавали. Залезли на дачу к одному херу, понаворовавали малёк. Я думал, по этому поводу меня и вызывают. А она говорит, что мне Илиша купила второй билет. Я был самым счастливым человеком. С этого момента я перестал спать вообще. Я сижу за уроками – клюю носом. Вечером пацаны меня зовут там почудить что-нибудь, а я никакой, сплю походя. А ночью, когда наконец-то ложись и спи, я не мог уснуть.

Вот наступает этот день, все дела. Автобус подъезжает к воротам пионерского лагеря, а там уже Илиша стоит со своей младшей сестрой и с подругами. Всё оставшееся время мы находились вместе. Чего мы только не делали. Был там конкурс один: с волосами там надо было начудить, с волосами друга. А у тебя руки связаны, и ты должен что-то делать без рук. Я пытался что-нибудь сделать ртом, всю её облизывал. Так головой крутил, что чуть шею не вывихнул, чтобы там косичку хотя бы заплести какую-нибудь. На танцах нам не было равных. Мы танцевали всегда как в последний раз. Вспотевшие, сырые, все дела, потом бегали на речку. Ебать, аж стыдно было – не знаю, почему, но тогда всё бельё, когда намокнет, просвечивало. У меня стручок торчит, у неё – соски. А как красиво там было: звёзды светят, комары кусают.

И вот заканчивается моя вторая смена. Мы на всю ночь зависли с ней. Сидели на поле, над Клязьмой. Прощались. Она снова записывала меня на камеру, чтобы я так, через экран, познакомился с её родителями. Они хотели меня усыновить, забрать в Америку. Снова наступило утро, и я уехал. Я чувствовал, что мы расстаёмся навсегда. Не совсем так оно получилось, пару раз мы с Илишей после этого виделись, но это уже другая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.